

Савиловская Юлия,
ноябрь 2014

*Посвящаю своей бабушке
Елене Филаретовне Савиловской*

НАЕДИНЕ с КАРЛСОНОМ
(Пьеса для детей)

КАРЛСОН К., лучший в мире тайм-менеджер – мужчина в расцвете сил, живет в пентхаузе в стокгольмском элитном жилом комплексе «Крыша».

СВАНТЕ СВАНТЕССОН (МАЛЫШ №1) – 7 лет, живет в Стокгольме.

ЛАРРИ ЛАРРСОН (МАЛЫШ №2) – 7 лет, живет в Осло.

МАДС МИККЕЛЬСЕН (МАЛЫШ №3) – 7 лет, живет в Копенгагене.

СТУРРЕ СТУРРУСОН (МАЛЫШ №4) – 7 лет, живет в Рейкьявике.

НИЛЬС ПЕТЕРСЕН – 35 лет, режиссер программы «Наедине с Карлсоном К.»

ФРИДА БОК – 40 лет, помощник режиссера программы «Наедине с Карлсоном К.»

АННА ЛИНДГРЕН – 43 года, литературный консультант программы «Наедине с Карлсоном К.», председатель литературного фонда «Астрид Линдгрэн и дети Севера».

ПЭППИ ЛОНГСТРУМ – 25 лет, координатор по трюкам и спец-эффектам программы «Наедине с Карлсоном К.»

ЭМИЛЬ ЛЁНЕБЕРГ – неопределенного возраста, места проживания и нахождения, личный помощник КАРЛСОНА.

ФИЛЛЕ ГУСТАВСОН,
РУЛЛЕ ХЕНРИКСЕН – неопределенного среднего возраста, телохранители КАРЛСОНА

ЛЕНА КИССЕН – 27 лет, журналистка из шведской газеты «Свенска Дагбладет»

САША ГИССЕН – 27 лет, журналистка из норвежской газеты «Афтенпостен»

ХАННА ВИССЕН – 27 лет, журналистка из датской газеты «Экстрабладет»

Над сценой в «подвешенном» состоянии находятся четыре комнаты Малышей в их городских домах – слева – комната Ларри, посередине и пониже комнат Ларри и Сванте – комната Мадса, справа – комната Сванте, высоко вверху, в левом углу – комната

Стурре. Они освещаются тогда, когда там происходит действие. В сценах, происходящих в аэропортах, они могут подниматься вверх, чтобы освободить пространство. Сверху над «комнатами» есть общая линия крыши, объединяющая четырех мальчиков, на которой проходят некоторые эпизоды из пьесы. Над крышей могут быть сделаны декорации или видеомонтажи городских огней, выделяющихся на фоне заката силуэтов труб, или просто неба со звездами.

Сцена 1. Кабинет Нильса Петерсена. Стокгольм.

Утро. В двух креслах перед журнальным столиком сидят НИЛЬС и ФРИДА БОК.. Напротив них сидит КАРЛСОН – одет в джинсы, модную толстовку и кроссовки..

ФРИДА: Простите, герр Карлсон, а где ваш мотор?

КАРЛСОН: Можно на ты. Я еще не так стар.

ФРИДА: Ну что вы...

НИЛЬС: Анна будет возражать, если мы начнем съемки без мотора.

КАРЛСОН: Я договорился с ней. Его будет подвозить к месту съемок мой личный помощник. А в перерывах им займутся мои телохранители. Им не привыкать к тяжестим.

НИЛЬС: Так вы знакомы с Анной?

КАРЛСОН: Конечно. Пересекались в отделе авторских прав.

ФРИДА: Ее бабушка не забыла о вас?

КАРЛСОН: А как вы думаете? Я прилетал к ней по ночам. Сидел у кровати и рассказывал сказки.

ФРИДА: Жаль, что никто их не записывал.

КАРЛСОН: Почему? Мой помощник как раз занимается их изданием.

НИЛЬС: Сколько талантов!

КАРЛСОН: Должность обязывает. Простите, у меня предельно мало времени. В час дня позирую в шведском обществе мультипликации.

НИЛЬС: Да-да, вернемся к нашим баранам, то есть к нашим Малышам!

ФРИДА: Вы читали договор?

КАРЛСОН: Взглянул по дороге. Там что-то изменилось?

ФРИДА: Да, вы знаете, теперь к Малышам нельзя подходить ближе, чем на двадцать-тридцать сантиметров. Иначе нас засудят родители.

КАРЛСОН: Стоит взять творческий отпуск на пару-тройку десяточков лет, и прощай, творческая свобода!

ФРИДА: Да, мы должны следовать букве закона.

НИЛЬС: Сценарий, по настоянию Анны, остался тем же, но вы можете импровизировать. Особенно в соседних со Швецией странах, где культурные стереотипы, связанные с Карлсоном на крыше, размыты.

КАРЛСОН: Ох уж эти мне соседние страны. Полеты – как всегда, в бизнес-классе?

ФРИДА: Да, все полеты – с повышенной комфортностью. В Исландии бонусом включен спа-пакет с горячими гейзерами.

КАРЛСОН: Исландия, эта которая далеко на севере?

ФРИДА: На северо-западе.

НИЛЬС: От Стокгольма сначала на запад, а только потом – к северу.

КАРЛСОН: Я не хочу в эту мерзкую Исландию. Там, говорят, пыхтят вулканы. Вдруг один из них захочет пошалить – что прикажете делать в этой дыре с моим плотным расписанием?

НИЛЬС: Стурре Стуррусон из Рейкьявика вошел в проект как часть социальной программы помощи бедным детям Севера. Он живет со своей мамой в спальном районе Рейкьявика. Стурре очень любит складывать фигурки оригами.

КАРЛСОН продолжает сохранять недовольный, усталый вид.

ФРИДА: Что касается двух остальных. Мадс выиграл в национальном конкурсе «Сказки Андерсена» - знает любую из них наизусть, а Ларри на конкурсе «Строитель Сольнес» построил небоскреб «Кукольный Дом» из девяти тысяч девятисот девяти деталей Лего.

КАРЛСОН: По мне, так я бы просто попил кофе с плюшками со стариной Сванте. Он так похож на своего деда – у меня слезы навернулись, когда вы прислали его фотографию.

НИЛЬС: Да, мы очень благодарны вам, что вы согласились возобновить этот проект.

ФРИДА: Он так долго был заморожен. Я почти растеряла все те знания и навыки, которым меня научила моя двоюродная тетя.

КАРЛСОН: Кстати, где сейчас малышка Фрида?

ФРИДА: Тетя сейчас на заслуженном отдыхе. Ей там очень хорошо. Но она почти ничего не помнит.

КАРЛСОН: А могла бы написать мемуары обо мне.

НИЛЬС вежливо прокашливается.

НИЛЬС: Самое главное – помните, что камеры расположены прямо напротив окна. Побольше улыбайтесь зрителю, будьте включены в ситуацию.

ФРИДА: Интерактив – залог детского интереса.

КАРЛСОН: Последнее не понял.

НИЛЬС делает знак ФРИДЕ.

ФРИДА: Интерактив – залог детского интереса. (*ФРИДА резко разворачивается лицом к зрителям*) Правда, дети?

КАРЛСОН: Если ото всех этих детей держаться на пол-метра, то куда мне деваться? Я так не играю.

НИЛЬС: Дети находятся за камерой.

КАРЛСОН: А камеры будут летать примерно там, где пятый этаж Малыша Сванте?

ФРИДА: Примерно.

КАРЛСОН: А за ними, значит, будут летать разные дети? Простите, но патент на полеты я еще никому не продавал. Хотя, конечно, ужасно лень и нет ни минуты лишнего времени, но придется подать на вас в суд.

ФРИДА: С тех пор, как в небе Скандинавии появились вы, полеты с самодельными летательными средствами в нем строго запрещены.

КАРЛСОН: Как давно это было... В самом начале моего расцвета сил...

НИЛЬС вежливо прокашливается.

НИЛЬС: Все наши дети будут у экранов телевизоров. Они будут наблюдать за вами и нашими Малышами. Не каждому в этой жизни повезло оказаться наедине с Карлсоном. Демократичные современные технологии должны донести Карлсона скандинавским детям.

ФРИДА: С задержкой в пять секунд эфира ваш шведский текст будет дублироваться профессиональными актерами из трех стран-участников. Все они научились говорить вашим голосом.

КАРЛСОН: Что, конечно, невозможно, так как всем известно, кто самый лучший в мире говорун.

ФРИДА: Вдруг дети заметят ваш шведский акцент? Мы решили не рисковать и пригласить профессиональную команду дубляжа. Поверьте, лучше семь раз переплатить, чем рискнуть верой детей в чудо.

КАРЛСОН: Будь эти дети поумнее, призадумались бы, с какой это стати лучший в мире швед Карлсон лопочет на датском и старонорвежском. Но дети только глупеют год от года.

НИЛЬС: Ну вот, пожалуй, и все, герр Карлсон. Технические вещи с вами проработает наш координатор по трюкам мисс Лонгструм.

ФРИДА: Герр Карлсон, вы готовы подписать контракт?

КАРЛСОН: Герр Карлсон... Когда меня называют «герр Карлсон», мне всегда кажется, что рядом взорвалась еще одна паровая машина.

Сцена 2.

На крыше дома в Вазастане, Стокгольм.

ПЭППИ ЛОНГСТРУМ, красивая веснушчатая девушка мальчишеского вида, с рыжими волосами, и КАРЛСОН, одетый в оранжевую рубашку и синие бриджи на подтяжках, стоят на краю крыши. Прямо под ними горит окно СВАНТЕ – МАЛЫША №1. Весенний стокгольмский вечер, тепло, зажигаются первые ночные звезды.

ПЭППИ: Конечно, конечно. Страховку вы открепите, как только приземлитесь на подоконник. Не забудьте закрепить ее на крючке около окна – видите, вон там?

ПЭППИ и КАРЛСОН наклоняются и всматриваются вниз, чтобы увидеть крючок. КАРЛСОН чуть не сваливается, ПЭППИ уверенно хватает его за подтяжки и водворяет на место.

ПЭППИ: Увидите, когда долетите. Наши каскадеры вбили его вчера ночью. А где ваш мотор?

КАРЛСОН: Эмиль не отвечает на мобильник. Он должен был переслать мне его сверхсрочной посылкой.

ПЭППИ: Может, воспользуетесь нашим?

КАРСЛОН: Эххх... Подам в суд!

ПЭППИ: Все сделаны по вашему патенту. Пять моделей – две утренние, одна – для слепополуденных прогулок, и две – вечерние, для выходов в свет.

КАРЛСОН: Валяйте!

ПЭППИ свистит, на крыше появляются ее ассистенты из команды передачи «Наедине с Карлсоном К.». ПЭППИ показывает указательным пальцем на один из моторов, уверенным движением разворачивает КАРЛСОНА по часовой стрелке, одна из фигур беззвучно прикрепляет к спине КАРЛСОНА мотор, защелкивая его сверхпрочными ремнями на животе КАРЛСОНА. Сверху к мотору прицепляется стальной страховочный шнур.

ПЭППИ: При нажатии зеленой кнопки – вон, видите, незаметная, около плеча, открывается парашют. В подкладку ремня вложены швейцарский нож, фонарик и устройство спутниковой связи.

КАРЛСОН: Живенько тут у вас.

ПЭППИ: И не заденьте, пожалуйста, микрофоны и камеры. Вчера доставлены из Японии. Если что-то выйдет из строя, шеф лишит меня годовой премии

КАРЛСОН: Пустяки, дело житейское.

ПЭППИ: Кому как. А вот мне позарез нужно купить новую лошадь.

КАРЛСОН: Ну все, некогда болтать. Я полетел.

ПЭППИ (*доставая большой пульт дистанционного управления*): Я вас подстрахую.

КАРЛСОН подходит к краю крыши, долго стоит в нерешительности, потом закрывает нос и глаза, приседает, и плюхается в вечерний стокгольмский воздух, как дети прыгают в бассейн. ПЭППИ яростно манипулирует пультом, мотор вертится. КАРЛСОН, сперва резко провалившись вниз, взмывает в воздух и делает несколько кругов. Стальной страховочный шнур разматывается вслед за ним. На уровень комнаты МАЛЫША СВАНТЕ начинают спускаться две камеры и пять микрофонов. МАЛЫШ СВАНТЕ, голубоглазый мальчик с пшеничными волосами, вдруг появляется у окна, кладет локти на подоконник и смотрит в окно. Камеры и микрофоны замирают, не достигнув комнаты МАЛЫША СВАНТЕ.

КАРЛСОН (*пролетая перед его окном комнаты МАЛЫША СВАНТЕ*) Можно здесь приземлиться?

МАЛЫШ СВАНТЕ смотрит на него бездонными голубыми глазами и ничего не отвечает.

КАРЛСОН: Я, по-твоему, с кем разговариваю? Можно сделать вынужденную посадку?

МАЛЫШ СВАНТЕ безучастно смотрит на КАРЛСОНА. МАЛЫШ СВАНТЕ отходит от окна и садится на диван, стоящий слева. МАЛЫШ СВАНТЕ неподвижно сидит на диване в пол-оборота к зрителю, смотря перед собой.

КАРЛСОН подлетает к окну МАЛЫША СВАНТЕ и приземляется на подоконнике. Отцепляет страховочный шнур, и, с опаской сделав маленький шажок, оцупав стену

справа от окна, прикрепляет шнур на крючок. Камеры и микрофоны беззвучно спускаются на середину окна комнаты МАЛЫША СВАНТЕ. КАРЛСОН разворачивается, позирует, и машет рукой миллионам северных детей. КАРЛСОН не скрывает своего волнения в этот исторический момент.

КАРЛСОН спрыгивает с подоконника в комнату МАЛЫША, поворачивается, и еще раз широко улыбается в камеры скандинавским детям. МАЛЫШ СВАНТЕ не обращает на него никакого внимания. Карлсон встает справа, напротив малыша и машет рукой в поле его зрения, чтобы привлечь к себе внимание.

КАРЛСОН: Ну что, Лиллебруша! Увял, как груша?

МАЛЫШ СВАНТЕ взглядывает на Карлсона, слегка улыбается, потом снова безучастно смотрит перед собой.

КАРЛСОН: И что, ты вот так прямо даже не спросишь, как меня зовут?

МАЛЫШ СВАНТЕ с усилием, почти незаметно, качает головой.

КАРЛСОН: И даже не поинтересуешься, сколько мне лет?

МАЛЫШ СВАНТЕ еще раз поднимает глаза на КАРЛСОНА и качает головой.

КАРЛСОН взглядывает на миллионы скандинавских детей, делает гримасу обиды и удивления, пожимая плечами. КАРЛСОН резко идет к МАЛЫШУ СВАНТЕ, желая растормошить его за плечо, но в это время в одной из камер загорается красная лампочка и звучит предупредительный сигнал. КАРЛСОН отдергивает руку и отступает от МАЛЫША.

КАРЛСОН: Слушай. Друг. Меня зовут Карлсон? А как тебя зовут?

МАЛЫШ СВАНТЕ: Сванте Свантессон.

КАРЛСОН: А я буду звать тебя Малыш!

В одной из камер несколько раз загорается красная лампочка и звучит предупредительный сигнал. КАРЛСОН сердито смотрит на камеры, потом вспоминает о прямом эфире, улыбается всем скандинавским детям и снова переводит взгляд на МАЛЫША СВАНТЕ.

КАРЛСОН: Хотя я тебя так звать не буду, даже за тысячу леденцов, но на самом-то деле тебя ведь зовут Малыш, правда?

МАЛЫШ СВАНТЕ устало качает головой в знак отрицания.

КАРЛСОН задумывается. КАРЛСОН начинает ходить по комнате. КАРЛСОН в тревоге подходит к окну и смотрит в вечернее стокгольмское небо.

МАЛЫШ СВАНТЕ: (вдруг) Да, меня так называли лет до четырех. Ты прав.

КАРЛСОН (оборачиваясь, радостно) Ну да! Ну конечно! Ты хорошо это помнишь?

МАЛЫШ СВАНТЕ: Чуть-чуть. Потом мама отвела меня на фигурное катание. С тех пор больше меня так никто не называл.

КАРЛСОН: Ну, ты конечно, знаешь, кто лучший в мире фигурный катальщик?

МАЛЫШ СВАНТЕ: Нет, не знаю. Я больше им не занимаюсь.

КАРЛСОН: Конечно, потому что тебе было вовсе не до фигурного раскатания. Ты стал собирать марки, как твой дедушка.

МАЛЫШ. Нет, в четыре с половиной я стал заниматься английским. Мама сказала, что каждый современный человек должен с детства учить несколько языков.

КАРЛСОН: О, малышка мама! Знал я ее, когда она еще даже не родилась!

МАЛЫШ: А папа с ней согласился, и с пяти лет я стал учить французский.

КАРЛСОН: Представь, и этот оказался из Гетеборга!

МАЛЫШ: *(монотонно)* В пять с половиной я стал ходить на большой теннис – потому что, чтобы стать чемпионом, надо начинать как можно раньше. В шесть я стал учиться играть на саксофоне и скрипке. И два раза в неделю брать уроки рисования и художественной лепки – для развития моторики рук.

КАРЛСОН: *(поворачиваясь к камерам)* Моторики! Вы это слышали? Наш человек! *(поворачиваясь к МАЛЫШУ СВАНТЕ)* Ну а сейчас, сейчас ты готов строить башенки из кубиков, гулять по крышам и играть в привидения?

МАЛЫШ отрицательно качает головой.

КАРЛСОН: Что, и петухов рисовать отказываешься?

МАЛЫШ на секунду задумывается, делает усилие и кивает головой.

КАРЛСОН: Хочешь сказать, и тысячи паровых машин у тебя нет?

МАЛЫШ отрицательно качает головой.

КАРЛСОН беспомощно смотрит в лица миллионов скандинавских детей, потом вспоминает о прямом эфире, улыбается, делает гримасу – мол, все будет в порядке.

КАРЛСОН: Ну, а хотя бы гора леденцов, пара шоколадок и миндальное печенье для самого лучшего в мире больного у тебя есть?

На одной из камер загорается красная лампочка и звучит предупредительный сигнал.

КАРЛСОН поворачивает голову в стороны камеры, вздрагивает.

МАЛЫШ: У меня есть депрессия. Самая скучная в мире депрессия.

КАРЛСОН: А что с ней делают? Едят? Бросают с крыши на головы прохожим? Бьют об стенку, пока не загрохочет так, будто взорвалось сто миллионов бомб, у самых нижних соседей?

МАЛЫШ: Ее вылечивают. Вчера приходил самый скучный в мире врач. И завтра придет самый скучный в мире врач. И еще через день придет самый скучный в мире врач.

КАРЛСОН: Самый лучший в мире врач – это Карлсон, который живет на крыше.

КАРЛСОН идет к МАЛЫШУ, чтобы по-дружески похлопать его по плечу. На одной из камер загорается красная лампочка и звучит предупредительный сигнал. КАРЛСОН останавливается на полпути.

МАЛЫШ СВАНТЕ: А кто такой Карлсон, который живет на крыше?

КАРЛСОН показывает свое удивленное лицо миллионам скандинавских детей и разводит руками.

МАЛЫШ СВАНТЕ: А ты вот разговариваешь с окном. У тебя, мне кажется, тоже депрессия.

КАРЛСОН отворачивается от миллионов скандинавских детей. На минуту задумывается, не зная, что ему делать.

МАЛЫШ СВАНТЕ: У меня это наследственное, от дедушки. Так сказала мама. А у тебя?

КАРЛСОН: Дедушка! Твой дедушка! Сванте Свантессон?

МАЛЫШ СВАНТЕ: Ну да. Я никогда его не видел, но мама говорит, что я его... как это... вы-ли-тая копия.

КАРЛСОН: На этот раз, хоть и непривычно, но придется согласиться с твоей мамой. Хотя, конечно, лучшая в мире вылетная копия – это Карлсон, который живет на крыше.

МАЛЫШ СВАНТЕ: А что такое вылетная копия?

КАРЛСОН: Эээ... Ну вот это когда ты любишь плюшки - и я люблю плюшки. Ты любишь горячий шоколад – и я люблю горячий шоколад. Ты собираешь марки – и у меня дома сто тысяч альбомов. Ты любишь заводить паровую машину – а я лучший в мире специалист по паровым машинам.

МАЛЫШ СВАНТЕ: Тогда ты – вылетная копия дедушки. Мама сказала, что он тоже любил разговаривать с окном. Тоже любил плюшки и горячий шоколад. И тоже был знаком с Карлсоном, который живет на крыше.

КАРЛСОН (*вздыхая*) Да, твой дедушка был с ним отлично знаком.

МАЛЫШ СВАНТЕ: А почему дедушки больше нет, а у тебя все еще депрессия?

КАРЛСОН: Эх, как бы тебе это... (*Обращаясь к миллионам скандинавских детей*) Дети, загляните в какую-нибудь умную книжку. Потому что мне самому это все вам ни за что не объяснить. (*Опять обращаясь к МАЛЫШУ СВАНТЕ*) Ну вот, допустим, представь, что ты...

МАЛЫШ СВАНТЕ: (*опять устремляя взгляд прямо перед собой*) Не хочу представлять, прости. Устал.

КАРЛСОН: (*надувая губы*) Ну все, я так не играю. У меня эфир. Прямой, между прочим.

МАЛЫШ СВАНТЕ: А у меня депрессия. Как у дедушки. У дедушки Сванте Свантессона.

КАРЛСОН: Вот бы позвать Гуниллу! Она бы надавала тебе тумачков на пару с Кристером!

МАЛЫШ СВАНТЕ: Я знаю только Вистера и Ваниллу. Они раз в неделю ходили со мной на теннис. А потом эмигрировали в Америку.

КАРЛСОН присвистывает.

МАЛЫШ СВАНТЕ: (*поднимает глаза на КАРЛСОНА*) Я понял. Ты – просто часть моей депрессии. Все, как у дедушки Сванте Свантессона.

КАРЛСОН: Ну и что? Это, по-твоему, плохо, быть похожим на дедушку Сванте Свантессона? Да это был такой парень, я тебе скажу... Вот сидели мы с ним однажды на крыше, ели самые лучшие в мире вишни, а косточки, ну ты представь, кидали прямо на головы всяким дядькам с этой вот самой депрессией. Тут главное было накидать достаточно. Не более пятсот пятьдесят семи точных попаданий сряду – и депрессия улетала к себе домой, вспомнив, что она явно засиделась в гостях. Или вот еще – самая большая депрессия в мире была у моей отличной знакомой Хильдур Бок. Малышка Хильда – все мечтала попасть на телевидение. Тогда это была еще очень редкая болезнь (*КАРЛСОН не забывает посмотреть в лица миллионов скандинавских детей*), не то, что сейчас. И ты знаешь, мы с дедушкой Сванте разжалобились и решили вылечить ее абсолютно бесплатно. Всего лишь за сто двадцать девять плюшек – да и те пошли на благотворительные цели. И вот однажды малышка Хильда собралась попить кофейку и поговорить начистоту со своей депрессией. Обе одели очки, чтобы лучше друг друга видеть, разместились на креслах, укрылись пледом и закурили по трубочке... Но, как ты понимаешь, малышка Хильда не успела ничего рассказать старушке депрессии. Потому что тут к ним прилетели самые лучшие в мире врачи... твой дедушка Сванте и...

МАЛЫШ СВАНТЕ: Оставь меня. Не хочу про врачей. Я лучше поиграю на скрипке.

КАРЛСОН молча смотрит на МАЛЫША СВАНТЕ. Ему хочется расплакаться от обиды, но он только надувает губы.

МАЛЫШ СВАНТЕ: Ну же. Я жду.

КАРЛСОН боязливо смотрит на МАЛЫША и двигается к подоконнику. МАЛЫШ СВАНТЕ провожает его грустным взглядом.

МАЛЫШ СВАНТЕ: Никогда не прилетай больше. Не напоминай мне о дедушке. То, что с ним было – самый большой в мире секрет. О нем никто не должен знать. Так решил еще мой прадедушка. Он сказал, что тогда может прийти телевидение....

Красная лампочка на одной из камер загорается, звучит предупредительный сигнал. Карлсон устало машет рукой миллионам скандинавских детей. Малыш смотрит на него с грустью, не обращая внимания на камеры.

МАЛЫШ СВАНТЕ: и нас никогда не оставят в покое. Теперь в нашей семье о всей этой истории почти не говорят. Не напоминай мне о ней. Улетай.

КАРЛСОН залезает на подоконник, боязливо делает пару шажков, дотягивается ручкой до крючка, снимает стальной страховочный шнур.

КАРЛСОН: Будь добр. Не прикрепишь?

МАЛЫШ СВАНТЕ прикрепляет шнур к мотору КАРЛСОНА.

КАРЛСОН: Ну, я полетел?

МАЛЫШ СВАНТЕ: Давай. А я сыграю тебе прощальную песню.

КАРЛСОН смахивает слезу, зажмуривается, зажимает двумя пальцами нос и прыгает в темноту. Он делает несколько кругов по звездному весеннему небу, чтобы хоть немного успокоиться. Вслед ему несется печальная, не по годам взрослая мелодия одинокой скрипки МАЛЫША СВАНТЕ.

Сцена 3. Стокгольмский аэропорт «Арланда».

Опаздывая на свой рейс в Осло, по движущейся дорожке аэропорта быстро идет Карлсон – он одет по-дорожному, выделяются только черные очки на лице. Рядом с дорожкой бежит журналистка «Свенска Дагбладет» ЛЕНА КИССЕН. На небольшом расстоянии от этой группы на рейс в Осло спешат Пэппи Лонгструм и ее ассистенты (они несут каждый по большому мотору). В самом конце идут НИЛЬС ПЕТЕРСЕН и ФРИДА БОК.

ЛЕНА КИССЕН: (на бегу) Герр Карлсон, первый вопрос - а где ваш мотор?

КАРЛСОН: *(на ходу)* А ты попробуй часика два посмотреть телевизор с домашним дикобразом место диванной подушки. Вот тогда у нас будет что обсудить.

ЛЕНА КИССЕН: *(на бегу)* Мотор полетит отдельно от вас? А вы полетите отдельно от мотора? Нарушении традиции?

КАРЛСОН: *(на ходу)* Малышка Традиция? А что с ней случилось? Я думал, она до сих пор вяжет цветные платочки и поет песенки на краю леса в Йонщопинге.

ЛЕНА КИССЕН *(на бегу)* Традиция знакомства Малыша и Карлсона вчера была нарушена. Ваши комментарии?

КАРЛСОН: *(останавливаясь)*. Дорогуша, нарушен во всей Швеции только твой бедный одинокий нос – с кем ты так подралась в детстве?

КАРЛСОН возобновляет свое быстрое движение на рейс в Осло.

ЛЕНА КИССЕН *(на бегу)* Ваш следующий эфир – в Осло. Швеция и ее дети вас разочаровали?

КАРЛСОН: *(на ходу)* Те, которые летают за камерами – да. Они не заплатили мне по мешку леденцов.

Звучит последнее объявление о посадке на рейс «Стокгольм-Осло». КАРЛСОН, ЛЕНА, а за ними ПЭППИ и ее ассистенты, а за ними НИЛЬС и ФРИДА останавливаются, поднимают головы и прислушиваются.

КАРЛСОН: Я побежал, нельзя терять ни секунды. Не люблю прыгать с трапа с магнитом в руках и прицепляться к брюху самолета, делая вид, что принимаешь воздушную ванну.

ЛЕНА КИССЕН: *(на бегу)* Последний вопрос. Ваши черные очки – это знак печали?

КАРЛСОН: Это знак тропической жары. Еще моя бабушка любила народную мудрость: «Летишь в Осло, быть тебе загорелым до мозга костей».

КАРЛСОН спешит на посадку. ЛЕНА КИССЕН останавливается, смотрит вслед КАРЛСОНУ. Мимо нее пробегают ПЭППИ ЛОНГСТРУМ и ее ассистенты с моторами. К ЛЕНЕ КИССЕН подходят НИЛЬС ПЕТЕРСЕН и ФРИДА БОК.

НИЛЬС: Прошу вас не устраивать паники.

ФРИДА: Сообщите читателям, что следующий этап съемок в Швеции продолжится сразу же, как будут отсняты эпизоды в других странах. На очереди – Норвегия, за ней – Дания. А потом телезрителей ожидает страна-сюрприз.

ЛЕНА КИССЕН: Но мальчика нет. Нельзя вести съемки без мальчика.

ФРИДА: Мальчик будет. Не волнуйтесь. В Стокгольме очень много семилетних мальчиков, у которых голубые глаза и пшеничного цвета волосы.

НИЛЬС: А переместить их в квартиру на пятом этаже – уже дело техники.

Звучит объявление о том, что закончена посадка на рейс «Стокгольм-Осло». НИЛЬС, ФРИДА и ЛЕНА уходят. По сцене справа налево пробегают ФИЛЛЕ и РУЛЛЕ с мотором КАРЛСОНА. За ними бежит, на ходу играя в йо-йо, ЭМИЛЬ ЛЕНЕБЕРГ.

Сцена 4. На крыше дома в Тьювхолмене, Осло.

ПЭППИ ЛОНГСТРУМ и КАРЛСОН стоят на крыше современного дома в Осло, на пятнадцатом этаже которого живет МАЛЫШ №2 - ЛАРРИ ЛАРРСОН. Идет проливной дождь, поэтому ПЭППИ и КАРЛСОН прячутся в плащах-палатках. Их окружает еще штук пять таких же плащей-палаток. ПЭППИ и КАРЛСОН говорят громко, стараясь перекричать дождь.

КАРЛСОН: Актеров, значит, они наняли. А мне с этим Ларри на каком разговаривать?

ПЭППИ: Пока попробуйте на шведском. Языки очень похожи. Я тут ходила в местный цирк – почти все поняла. Особенно когда вывели тигров.

КАРЛСОН: А почему ты не спрашиваешь меня, где мой мотор? Я так не играю.

ПЭППИ: Герр Карлсон, где ваш мотор? Сейчас бы он как раз пригодился.

КАРЛСОН: Не знаю. Филле и Рулле должны были загрузиться с ним на наш рейс. Но их как дождем смыло.

ПЭППИ: Позвольте предложить Вам одну из наших дождем несмываемых и ветром несдуваемых моделей?

КАРЛСОН: Ну валяй уж, предлагай.

ПЭППИ долго свистит, один плащ-палатка начинает двигаться к КАРЛСОНУ и ПЭППИ.

КАРЛСОН: Нет, этот не пойдет. Слишком большая нагрузка на плечи.

ПЭППИ коротко свистит, плащ-палатка перестает двигаться.

ПЭППИ два раза долго свистит, другой плащ-палатка начинает двигаться к КАРЛСОНУ и ПЭППИ.

КАРЛСОН: Этот может сгореть под ярким Ослиным солнцем.

ПЭППИ два раза коротко свистит, плащ-палатка перестает двигаться.

ПЭППИ три раза длинно свистит, третий плащ-палатка начинает двигаться к КАРЛСОНУ и ПЭППИ.

КАРЛСОН: А как обстоят дела со шнуром?

ПЭППИ издает странные гортанные звуки, и четвертая палатка начинает двигаться по крыше.

Когда третья и четвертая палатки подползают к ПЭППИ и КАРЛСОНУ, из них вылезают ассистенты ПЭППИ – один с мотором, другой со шнуром. ПЭППИ мягким движением разворачивает КАРЛСОНА, и к нему сзади прикрепляются ШНУР и МОТОР. Ассистенты скрываются в своих плащ-палатках и начинают отползать на свои места на крыше.

КАРЛСОН: Эх, была не была, вперед под палящие лучи! Обгору, как не снилось и моей троюродной бабушке!

КАРЛСОН отбрасывает плащ-палатку, зажимает нос, как при нырянии, и плюхается вниз. ПЭППИ достает пульт управления, отчаянно маневрирует, смотря вниз, потом откладывает его, в ужасе закрывает глаза. КАРЛСОН, надолго исчезнув, через некоторое время начинает кружить около окон МАЛЫША ЛАРРИ.

КАРЛСОН (*кричит ПЭППИ*) Думал, если долечу до первого, обязательно куплю в магазине пару апельсинов для Малыша Ларри.

ПЭППИ облегченно вздыхает, издает странный гортанный звук-призыв. На уровень комнаты МАЛЫША ЛАРРИ начинают спускаться камеры и микрофоны. Над ними висит огромный зонтик. КАРЛСОН, продолжая полет, стучит в закрытое окно МАЛЫША ЛАРРИ. Комната освещается изнутри – неярким источником света. Занавески раздвигаются. Лицо МАЛЫША ЛАРРИ прижимается к окну. КАРЛСОН стучит еще раз. МАЛЫШ ЛАРРИ открывает одну створку окна. КАРЛСОН ищет крючок около окна, не находит его, сбрасывает шнур в бездну. КАРЛСОН протискивается в створку окна, подкальзывается, цепляется за подоконник, карабкается в комнату МАЛЫША ЛАРРИ. МАЛЫШ ЛАРРИ отходит от КАРЛСОНА в угол комнаты, садится за приставку Sony, берет в руки джойстик, продолжает играть.

КАРЛСОН: Ну ладно, так и быть. Доставай уж свой Лего, построю тебе самый лучший в мире небосруб из ста тысяч ста пятнадцати восьми деталей.

КАРЛСОН поворачивается к миллионам скандинавских детей и улыбается им сквозь проливной дождь.

МАЛЫШ ЛАРРИ: Еще один... пожаловал.

КАРЛСОН: Отклеивайся от своего черного рогалика. Или... я так не играю.

МАЛЫШ ЛАРРИ нажимает на паузу, поворачивается к КАРЛСОНУ.

МАЛЫШ ЛАРРИ: На буллсквида не похож. (КАРЛСОНУ) Странноговорящий, ты хорошо понимаешь, что я говорю?

КАРЛСОН подмигивает скандинавским детям.

КАРЛСОН: Правому уху понятно, а левое притормаживает. Начинай уж выводить тигров.

МАЛЫШ ЛАРРИ: Тогда вопрос. Твоя мама - кальмар? А папа - бык?

КАРЛСОН: А твоя мама – летающая горилла? А папа – одинокий гиппопотам?

МАЛЫШ ЛАРРИ: Ты вылез из дождя. Это факт. Может, ты – ихтиозавр?

КАРЛСОН: А ты – глубоководный дормидон?

КАРЛСОН поворачивается к миллионам скандинавских детей.

КАРЛСОН: Дети, мы просто играем в игру «Кто твоя золотая рыбка».

ЛАРРИ бросает быстрый оценивающий взгляд на КАРЛСОНА, изучая его внешность.

МАЛЫШ ЛАРРИ: На барнакля ты не похож. Слишком много разговариваешь. Для снарка слегка толстоват. Для чамтоуда – у тебя всего два глаза.

КАРЛСОН: Так, выводи уж тигров. Моя голова совсем сварилась от твоего норвежского.

МАЛЫШ ЛАРРИ: Тентакль? Плотоядная пиявка? Муравьиный лев? Ты с какого уровня?

КАРЛСОН: Я с самого лучшего в мире уровня. Там веселее, чем в твоём цирко-зоопарке.

МАЛЫШ ЛАРРИ: Хедкрабов с Гонарчом я уже прошел. Их не могли послать второй раз.

КАРЛСОН: Да, они прилетали на прошлой неделе. Я встретил их по дороге сюда. Задал им хорошую трепку.

МАЛЫШ ЛАРРИ вдруг нагибается и бросает в КАРЛСОНА теннисным мячиком. КАРЛСОН чуть не падает с подоконника.

КАРЛСОН: Ну ты, специалист по дромидронтам. Или ты достаешь все свои кубики и я буду строить небосруб из ста тысяч ста двадцати деталей, или я полетел. И вовсе не обещал вернуться.

МАЛЫШ ЛАРРИ: Проверка действием. Это не Гаргантюа. Броня слишком тонкая.

КАРЛСОН: Слушай. А ты, мне кажется, разговариваешь с окном. Наверное, у тебя самая норвежская в мире депрессия.

МАЛЫШ ЛАРРИ встает, подходит к КАРЛСОНУ.

МАЛЫШ ЛАРРИ: Мне кажется, ты – мутировавший вортигонт. Таких портал еще не засылал. Ты проиграешь, ты обязательно проиграешь.

КАРЛСОН: (*обращаясь к миллионам скандинавских детей*). Да, говорила мне моя немая бабушка – учи языки. Почему я бил все попадавшие под руку баклуши, а не учил норвежский?

МАЛЫШ ЛАРРИ: (*подходя к окну и замечая камеры*) Ага, а вон и твой контроллер. Пятилапый и черный. Такой попался мне на третьем уровне.

КАРЛСОН: А семикрылая зубастая тетушка тебе там не попадалась?

МАЛЫШ ЛАРРИ: А почему ты всегда отвечаешь вопросом на вопрос?

КАРЛСОН: А ты бы предпочел, чтобы я спрашивал тебя ответом на ответ?

МАЛЫШ ЛАРРИ: Может, ты выпал из портала и временно потерял память, пока боролся с Гордоном Фрименом?

КАРЛСОН: (*миллионам скандинавских детей*) Чушь и клевета.

КАРЛСОН: А кто такой Гордон Фримен?

МАЛЫШ ЛАРРИ: Это я.

МАЛЫШ КАРЛСОН: Во как. А я, пока летел до первого этажа и обратно, все думал, что ты – Ларри Ларрсон, который чего-то там намастерил в конкурсе «Строитель Сольнес».

МАЛЫШ ЛАРРИ: Виртуальный Строитель Сольнес. Так себе конкурс. Для детей.

КАРЛСОН: А где твои девять тысяч девятьсот девяносто девять лего? Показывай, куда их запрятал.

МАЛЫШ ЛАРРИ: Висят на моем аккаунте. Но ты не сбивай меня с толку. Я тебя истреблю и скорее всего, тогда смогу телепортироваться к Нихиланту.

КАРЛСОН: Еще один с норвежской депрессией?

МАЛЫШ ЛАРРИ: Нихилант уничтожает всех, кто прорвется к нему в Зен. Для этого он заманивает всех через открытые порталы. Но я прорвусь к нему и уничтожу. На самом последнем уровне.

КАРЛСОН: (*МАЛЫШУ ЛАРРИ*) Так ты тоже, как малышка Фрида, хочешь попасть...

ЛАРРИ: (*подходя к окну, перебивая*). Слушай, а может, вот он – телепорт к Нихиланту?

КАРЛСОН (*подходя к окну*) Где?

МАЛЫШ ЛАРРИ: Встаешь в окно, закрываешь глаза и прыгаешь? Если контроллер здесь, это значит...

Красная лампочка на одной из камер загорается. За ней еще одна. Звучит предупредительный сигнал.

КАРЛСОН: *(перебивая)* Этот способ подходит только для Карлсона, который живет на крыше.

МАЛЫШ ЛАРРИ: Этот с какого уровня?

КАРЛСОН: Я ж тебе сказал, с самого лучшего.

МАЛЫШ ЛАРРИ: И он уже побывал у Нихиланта?

КАРЛСОН: Ну да. И что в этом удивительного?

МАЛЫШ ЛАРРИ: Через это окно?

КАРЛСОН: Ну, мог бы и через окно, но решил через двери. Иногда, говорила бабушка, лучше один раз соблюсти приличия, чем потом сто лет позволять приличиям блюсить тебя.

МАЛЫШ ЛАРРИ: А если попробовать короткий путь?

КАРЛСОН: А кто останется здесь? Кто будет побеждать всех твоих пентаклей?

МАЛЫШ ЛАРРИ стоит, задумавшись.

КАРЛСОН: К тому же, этот твой телеторт приведет только к магазину на первом этаже. Проверено.

Ларри стоит, задумавшись.

КАРЛСОН: А туда можно распрекрасно добраться и на обычном норвежском лифте. Как каждое утро делает твоя мама.

МАЛЫШ ЛАРРИ: Мама уехала в Канаду на заработки.

КАРЛСОН: То-то я не вижу ни одной ее тефтельки.

МАЛЫШ ЛАРРИ: *(задумчиво)* Зен начинает давать сбои. И порталы открываются и закрываются не вовремя.

КАРЛСОН: Ты обещаешь не использовать этот телеторт?

МАЛЫШ ЛАРРИ еще раз внимательно смотрит на окно. Возвращается к приставке SONY.

КАРЛСОН: Обещаешь?

МАЛЫШ ЛАРРИ понуро кивает головой, начинает игру с того места, где сделал паузу.

КАРЛСОН встает на подоконник. Дает сигнал кому-то наверху. Его мотор начинает крутиться. Сверху на *КАРЛСОНА* падает плащ-палатка.

КАРЛСОН: Привет цирко-зоопарку!

КАРЛСОН взлетает, кружится над окнами *МАЛЫША ЛАРРИ*.

КАРЛСОН: Салют, Малыш Ларри! Не слишком обгорай тут под норвежским солнцем!

МАЛЫШ ЛАРРИ со своего места у приставки машет рукой, не смотря в сторону *КАРЛСОНА* и ничего не отвечая. Он слишком занят. Он не отрывается от игры в Хаф-лайф. Он очень хочет пройти на следующий уровень.

Сцена 5. «Гардермуэн», аэропорт в Осло.

КАРЛСОН поднимается вверх по большому многоуровневому эскалатору, зигзагом ведущему к выходам на посадку, находящимся где-то наверху, за пределами зрительского видения. Рядом с ним стоит *САША ГИССЕН*, модно одетая журналистка норвежской газеты «Афтенпостен».

САША: Правда, у нас очень современный аэропорт?

КАРЛСОН: Очень напоминает цирко-зоопарк. Вон, смотри, тентукли с фотоаппаратами. Не твои родственники?

САША: Успели ли Вы облететь Осло? Полюбоваться видами города с высоты карлсоновского полета?

КАРЛСОН: Было слишком жарко. У меня поднялась температура до пятидесяти четырех градусов выше дождя.

САША: Именно поэтому ваш мотор временно разлучен с вами?

КАРЛСОН: У моего мотора очень интересная жизнь.

САША: Хотела приправить бочку дегтя медом, но придется перейти к существу.

КАРЛСОН: Никуда не переходи, покуда тебя три раза не пригласили, как говорила моя тетя, когда я учился в школе в Мальме.

КАРЛСОН и САША доезжают до конца одного уровня эскалатора. Проходят по площадке, ступают на второй. На первом уровне эскалатора появляются ПЭППИ и ее пять ассистентов. У каждого в руках – по мотору.

САША: Скажите, что помешало эффективному общению с Ларри Ларрсоном? Виновен ли языковой барьер?

КАРЛСОН: А при чем тут он? Он-то спокойно спит себе в Громком Океане, иногда пихая в бок Крикливое Море.

САША: Может, контакт с Ларри удалось бы наладить, если бы вы лучше владели норвежским?

КАРЛСОН: Его очень волнуют незакрытые торталы. С такими очень трудно разговаривать.

САША: Наши юные зрители смогли узнать голос Кнута Гамсунсона, ведущего популярной детской передачи «Угадай, из чего сделан твой бутерброд». Он прекрасно пародировал ваш голос.

КАРЛСОН: Если ты не знаешь, из чего сделан твой бутерброд, то зачем тебе компас и карты, говорила на прощанье Скотту Хамундсену моя прабабушка.

САША: Традиция была нарушена в прямом эфире.

КАРЛСОН: Традиция телетортировалась к Нивихлунту. Бедняжка не удержалась, прыгнула в большое раскрытое окно, не заметив знака «Запрещено».

КАРЛСОН и САША доезжают до конца второго уровня эскалатора.

САША: Можем ли мы утверждать, что современные дети шагнули на новый, еще неведомый нам уровень?

САША подскользывается на эскалаторе, ее каблук застревает на сходе с него. КАРЛСОН проходит на площадку и начинает движение по третьему уровню эскалатора. Смотрит вниз на САШУ.

КАРЛСОН: Пока ничего сказать не могу.

САША пытается вытащить каблук, ПЭППИ и ее ассистенты по очереди перешагивают или перепрыгивают через нее. Начинают двигаться дальше – по третьему уровню эскалатора, к выходам на посадку. КАРЛСОН, и с некоторым оставанием – ПЭППИ и ее ассистенты продолжают движение по уровням эскалатора к выходам на посадку. САША, вытащив каблук, садится передохнуть и записать то, что получилось спросить, на площадке между уровнями.

Объявляется посадка на рейс «Осло-Копенгаген». По уровням эскалатора пропрыгивают ФИЛЛЕ и РУЛЛЕ с мотором КАРЛСОНА в руках, за ними – ЭМИЛЬ ЛЕНЕБЕРГ, в

каждой руке у которого – по игрушке йо-йо. Он спускает их вниз и поднимает вверх, нагибаясь то в одну, то в другую сторону эскалатора.

Сцена 6. На крыше дома в Остербро, Копенгаген.

Очень ветрено – район находится в непосредственной близости от моря. Слышны крики чаек. ПЭППИ и КАРЛСОН стоят на крыше семиэтажного дома. Их иногда почти сдувает с крыши ветром, они делают усилия, чтобы удержаться. Они стараются перекричать ветер. Немного в отдалении – пять ассистентов с моторами.

ПЭППИ: Герр Карлсон, был бы здесь ваш мотор, нас бы почти не сдувало отсюда – посмотрите, как им хорошо!

ПЭППИ показывает на своих пятерых ассистентов, сцепившихся каждый в свой мотор.

КАРЛСОН: Если бы Эмиля не сдуло еще раньше, я бы спросил у него, где он. Но к сожалению, не могу. А до того, как сдуло его, я лично сдул Филле и Рулле.

ПЭППИ: Не воспользуетесь ли одной из наших моделей?

КАРЛСОН: Валяй, цепляй!

ПЭППИ свистит и машет рукой, один из ассистентов с мотором двигается в сторону ПЭППИ и КАРЛСОНА. ПЭППИ сама достает из ветровки стальной страховочный шнур.

ПЭППИ: Ассистента, ответственного за шнур, сдуло утром на технической тренировке.

ПЭППИ разворачивает КАРЛСОНА к себе лицом, ассистент с мотором цепляет ему на спину мотор, его тут же сдувает ветром куда-то вбок, в сторону моря. ПЭППИ разворачивает КАРЛСОНА к себе спиной, прицепляет ему страховочный шнур. КАРЛСОН закрывает нос рукой, плюхается в копенгагенское небо. ПЭППИ достает пульт дистанционного управления, но его вырывает у нее из рук. КАРЛСОНА начинает мотать ветром на уровне комнаты МАЛЫША №3 - МАДСА МИККЕЛЬСЕНА.

КАРЛСОН (кричит ПЭППИ) Я вчера точно вспомнил, что датский позавчера забыл!

ПЭППИ показывает ему на оба своих уха сразу и пожимает плечами – она ничего не слышит. КАРЛСОН машет рукой – ничего, дело житейское – и продолжает сопротивляться ветру на уровне комнаты МАЛЫША МАДСА. На уровень комнаты сверху спускаются камеры и микрофоны – они, как маятники, начинают качаться на уровне комнаты МАЛЫША МАДСА.

В комнате МАЛЫША МАДСА включается свет. МАЛЫШ МАДС появляется в окне своей комнаты. Он смотрит на КАРЛСОНА и на качающиеся на уровне его окна камеры и микрофоны. Он начинает махать руками в знак отрицания.

КАРЛСОН: (кричит) Можно здесь сделать вынужденную посадку?

МАЛЫШ МАДС отходит от окна, что-то пишет фломастером на листе бумаги. Потом выходит к окну, держа в руках бумажную табличку, которую он прижимает к окну. На ней написано:

ПАКА АНТЫРВЮ БОЛЬШЭ НИ ДОЮ.

КАРЛСОН относит от окна МАЛЫША МАДСА. МАЛЫШ МАДС с интересом смотрит вслед КАРЛСОНУ. Когда КАРЛСОН еще раз появляется на уровне окна МАЛЫША МАДСА, к окну прижата новая табличка:

Я ПИРИДУМАЛ.

МАЛЫШ МАДС открывает окно. КАРЛСОН, иногда врезаясь в камеры, пытается приземлиться на окне МАЛЫША МАДСА. Почти срывается. МАДС подает ему руку и втаскивает на подоконник. КАРЛСОН с трудом залезает в комнату. За ним волочитесь страховочный шнур. КАРЛСОН открепляет его, оставляет лежать на полу.

КАРЛСОН: Ну и зачем тебе корова?

МАЛЫШ МАДС: Это ваш первый вопрос? У меня очень мало времени.

КАРЛСОН: Конечно, если она у тебя летающая, то вопросов нет. Но тогда доить ей смог бы только Карлсон, который живет на крыше. А у него и так дел по горло.

МАЛЫШ МАДС: Следующий вопрос.

КАРЛСОН: Была у моей троюродной тети летающая коза. Чуть что не так – тут же улетала. Ты не спросил у Антырвю, она не видала мой мотор? Не удивлюсь, если они вместе путешествуют где-нибудь в Нортумгренландии.

МАЛЫШ МАДС: Путешествую я много, если это не отрывает меня от писательского труда. Например, позавчера путешествовал в район Фредериксберг. Для этого заказал такси. Набрал шесть шестерок.

КАРЛСОН: А что ты там делал в Фредерикскексе? Выгуливал всех шестерых шестерок?

МАЛЫШ МАДС: Почему вы разговариваете со мной на ты? Я гулял в зоопарке.

КАРЛСОН: Как поживают тентукли, плутсквиды и Горунчи?

МАЛЫШ МАДС: Оставляю их без комментариев.

КАРЛСОН: Всех комментариев они сожрали еще на прошлом уровне. А если ты такой угрюмый, куда ты запер бедные сказки Андерсена? Я бы на их месте давно убежал.

МАЛЫШ МАДС: Они живут в моей голове. Мама говорит, что я рожден для того, чтобы возродить датскую народную традицию.

КАРЛСОН: Малышка Традиция полюбила телетортироваться в Нихилунтию. Я не знаю, долетит ли она до вашей ветреной Дании или ее сдует по дороге.

МАЛЫШ МАДС: Простите, а вы прилетели Швеции? Из шведско-детского нобелевского комитета? Вы собираетесь давать мне премию?

КАРЛСОН: Этот тот случай, о котором я говорил малышке Хильде Бок. Нельзя ответить просто «да» или «нет» на миллион и тридцать три вопроса сразу.

МАЛЫШ МАДС: Не зря я учил шведский. Это очень мешало мне сочинять «Сказки Мадса Миккельсена».

КАРЛСОН: Эти тоже поселились у тебя в голове?

МАЛЫШ МАДС: Конечно.

КАРЛСОН: Двадцать две худенькие сказки?

МАЛЫШ МАДС: Все тысяча двести двадцать две Сказки Мадса Миккельсена.

КАРЛСОН: А зачем ты заселил ими свою голову? Собираешься рассказывать своему дедушке, когда поедешь на острова Зеленого Мыса?

МАЛЫШ МАДС: Потому что я умею писать только печатными буквами. Это очень мешает. Особенно тогда, когда ты известный писатель.

КАРЛСОН: Самые лучшие в мире писатели вообще не умели писать.

МАЛЫШ МАДС: Правда?

КАРЛСОН: Андерсен, Линдгрэн и Карлсон, который живет на крыше, просто рассказывали сказки. А записывал их кто-то другой. Кто-нибудь из миллиона триста тысяч пятьсот восьми слушателей, которые собирались под окнами.

МАЛЫШ МАДС: А у меня никого нет. Кто бы мог записывать.

КАРЛСОН: Попроси Антырвию. Когда вернется, пусть сразу же берется за дело.

МАЛЫШ МАДС: Да, дело! У вас еще есть вопросы?

КАРЛСОН: Ты, я надеюсь, не смотришь передачу «Угадай, из чего сделан твой бутерброд»?

МАЛЫШ МАДС: Смотрю. Каждое утро.

КАРЛСОН: Ты пишешь сказки куриной лапой или китайской грамотой?

МАЛЫШ МАДС: Я же сказал, что плохо умею писать.

КАРЛСОН: Китайская грамота – для тех, кто вообще не умеет писать. Но патентом на нее владеет Карлсон, который живет на крыше. Не забудь заплатить ему миллион леденцов.

МАЛЫШ МАДС: Скажите, а когда эта передача выйдет в эфир?

КАРЛСОН: Она уже там. Очень шустрая.

МАЛЫШ МАДС: Я бы хотел написать о ней в интернете. Я хочу, чтобы все смогли увидеть меня.

КАРЛСОН: Все уже и так смогли увидеть тебя. А толку? Ты так и не прочитал ни одной сказки. Не воспользовался своей минутой славы. Рядом с Карлсоном, который живет на крыше.

МАЛЫШ МАДС. *(прокашливается, волнуясь)* Я готов.

МАЛЫШ МАДС с трудом подходит к окну из-за сильного ветра, смотрит прямо в телекамеры.

КАРЛСОН: Чтобы собрать слушателей под окнами, прыгать туда вовсе не обязательно.

МАЛЫШ МАДС *начинает рассказывать, перебивая ветер.*

МАЛЫШ МАДС: Дорогие телезрители! Я прочитаю вам шестьсот тридцать третью сказку из моего сборника Сказок Мадса Миккельсена. Сядьте поудобнее и приготовьтесь слушать.

КАРЛСОН: Чтобы им не было скучно, иногда делай так: «беее».

МАЛЫШ МАДС *(не обращая внимания)* Жил-был на свете мальчик, который всю жизнь проспал на двадцать пяти матрацах. Каждую ночь он чувствовал, что под ними лежит горошина, но ни разу не пожаловался. Не пожаловался он потому, что был он очень маленький, размером с цветочек...

КАРЛСОН: Я вот подумываю, не полететь ли?

МАЛЫШ МАДС недовольно отмахивается от КАРЛСОНА.

МАЛЫШ МАДС *(продолжая)*... Если бы он даже прокричал во все горло, его бы никто не услышал.

КАРЛСОН: Нечего драть горло, когда у всех в ушах беруши, говорила моя тетушка.

МАЛЫШ МАДС: К тому же, у него была всего одна нога, и та оловянная.

КАРЛСОН: Непонятно, как он играл с папой в футбол.

МАЛЫШ МАДС: Своих родителей у него не было. Его приемную маму звали Хильда Уткенсен. Найдя его однажды на пороге своего дома, она назвала его Уток Уткенсен....

КАРЛСОН: У одного моего знакомого папа работал в булочной, и его называли Булле Булкинсон.

МАЛЫШ МАДС: Вот так он и жил, одноногий, маленький, с непростым странным именем и к тому же на двадцать пяти матрацах, под которыми он каждую ночь чувствовал одну большую горошину...

КАРЛСОН: Это папа запихнул туда футбольный мяч. Играть-то было не с кем.

МАЛЫШ МАДС отмахивается от КАРЛСОНА, делая ему знаки, чтобы он больше не мешал. КАРЛСОН надувает губы.

МАЛЫШ МАДС: Но вот однажды утром он понял, что может петь, как соловей. Он запел, пел прекрасно, пел красивее всех на свете. Но злая Хильда Уткенсен мешала ему петь – ведь это мешало Утку заниматься домашними делами. Хильда заставляла его много копать в золе. Но вот в округе, где жил Уток, разместили объявление, что проводится конкурс на участие в телешоу «Наедине с Принцем». В него брали только тех, кто лучше всех в мире пел, танцевал и рассказывал сказки...

КАРЛСОН перестает надувать губу, начинает продвигаться к окну, стараясь не помешать МАЛЫШУ МАДСУ.

КАРЛСОН: Не сможешь прицепить шнур?

МАЛЫШ МАДС шипит на КАРЛСОНА, как делают в театре, если кто-то громко разговаривает.

МАЛЫШ МАДС: Уток очень хотел поехать на этот конкурс. Но не знал, на чем.

КАРЛСОН прицепляет шнур, взбирается на подоконник. Машет МАЛЫШУ МАДСУ. МАЛЫШ МАДС взглядывает в сторону КАРЛСОНА, выставляет вперед ладонь в знак быстрого прощанья.

МАЛЫШ МАДС: И вот тогда к Утку прилетела волшебница. В кармане она всегда носила телефон, по которому могла в любой момент вызвать трех больших собак...

КАРЛСОН: Салют сказочникам!

КАРЛСОН взлетает с подоконника МАЛЫША МАДСА. МАЛЫШ МАДС вдохновенно, перебивая сильный ветер, продолжает рассказывать первую сказку из сборника СКАЗКИ МАДСА МИККЕЛЬСЕНА. Его волосы развеваются, глаза горят, как у первопроходца Колумба, когда он увидел американскую землю. Камеры и микрофоны не двигаются с места – они фиксируют каждое слово МАЛЫША МАДСА.

Сцена 7. Аэропорт Каструп, Копенгаген.

КАРЛСОН идет по длинному пандусу, плавно спускающемуся вниз, закручивающемуся серпантинном. Он везет тележку с мотором. В некотором отдалении от него по пандусу спускаются ПЭППИ и четыре ассистента. Четыре ассистента везут каждый по тележке с мотором. ПЭППИ везет тележку с пятым ассистентом.

ХАННА ВИССЕН, модно одетая журналистка из датской газеты «Экстрабладет», следует за КАРЛСОНОМ.

ХАННА: Герр Карлсон, датские читатели будут рады узнать, что вы и ваш мотор снова вместе.

КАРЛСОН: Это не мой мотор. Это памятник погибшим на полях битвы за детей Севера.

ХАННА: Герр Карлсон, а где ваш мотор?

КАРЛСОН: Там же, где и малышка Традиция. Переходи уже к какому-нибудь существу.

ХАННА: Скажите, ожидали ли вы такого от простого датского ребенка?

КАРЛСОН: Конечно нет. Когда у тебя есть летающая корова, нельзя по утрам смотреть передачу «Разрешь покривее свой торт». Летающие коровы очень обидчивы.

ХАННА: Но вы, конечно, рады, что послужили, если можно так выразиться, взлетной полосой для Мадса Миккельсена?

КАРЛСОН: Взлетной колбасой?

ХАННА: Разве вы не знаете, что вчера простой малыш из Копенгагена подписал контракт с голливудской студией и уже завтра улетает на съемки передачи «Тысяча и один вечер с Мадсом Миккельсеном»?

КАРЛСОН: Галливантская? А это в каком месте?

ХАННА: В самом лучшем месте на земле - Америке. Мадс, как Колумб, проложил всем датским детям путь в Америку.

КАРЛСОН: А как они все туда улетят? Они не найдут столько летающих коров.

ХАННА: Телевидение – спасение датских детей. Оно откроет им Америку. «Сказки Мадса Миккельсена» затмили своей популярностью даже норвежский «Угадай, из чего сделан твой бутерброд»...

КАРЛСОН: Он плохо говорит по-шведски.

ХАННА: Чего только не сделали наши предки, чтобы попасть в Америку. Например, Эрик Рыжий...

КАРЛСОН: Малышка Хильда тоже наделала кучу глупостей, чтобы попасть в этот дурацкий ящик. Видно, малыш Мадс весь в нее.

ХАННА: Уже сегодня вечером – первый эфир передачи. Вы будете смотреть?

КАРСЛОН: Нет.

ХАННА: Будете завидовать его успеху?

КАРЛСОН: Буду рисовать пятитысячного петуха.

ХАННА: Хотя былую популярность не вернуть, я рекомендую вам оставаться на волне интересов детей Севера.

КАРЛСОН: А я рекомендую тебе слезать с нее и побыстрее.

ХАННА и КАРЛСОН доходят до конца пандуса. КАРЛСОН продолжает свой путь на к выходам на посадку. ХАННА остается стоять, поправляя волосы. К ней приближаются ПЭППИ и ее пять ассистентов. ПЭППИ выгружает одного из ассистентов из тележки и берет его на руки. В этот момент ХАННА окликает ПЭППИ. ПЭППИ с ассистентом на руках и ХАННА о чем-то долго разговаривают.

Объявляют посадку на рейс «Копенгаген – Стокгольм».

Сцена 8. Кабинет Нильса Петерсена, Стокгольм.

В кабинете Нильса вокруг круглого стола сидят НИЛЬС, ФРИДА, АННА ЛИНДГРЕН и КАРЛСОН.

КАРЛСОН: Ну и где мой мотор?

ФРИДА: Герр Карлсон, компания «САС» занимается его поисками.

НИЛЬС: Сейчас нас больше всего должно волновать будущее передачи «Наедине с Карлсоном К».

АННА: Я бы хотела, чтобы она осталась жить.

НИЛЬС: Именно вопрос ее жизни и смерти мы и должны обсудить.

ФРИДА: Вы в курсе, что ее эфирное время в Дании и Норвегии теперь отдано американской передаче «Сказки Мадса Миккельсена»?

АННА: Можно попробовать другое время. Главное – та связь с детьми Севера, о которой мечтала бабушка.

НИЛЬС: Мы потеряли человеческие ресурсы.

КАРЛСОН: Все лучшие в мире ресурсы сидят перед вами.

ФРИДА: Фрекен Пэппи Лонгструм заключила контракт с Голливудом. Теперь она и ее ассистенты помогают осуществить трюки и спецэффекты в передаче «Сказки Мадса Миккельсена».

НИЛЬС: У меня вторая неприятная новость для вас, герр Карлсон.

КАРЛСОН: А какая первая?

НИЛЬС: Против вас начали судебное разбирательство герр Филле Густавсон и Рулле Хенриксен. Они утверждают, что сильно пострадали.

КАРЛСОН: Подумаешь, разочек сдул их с крыши.

ФРИДА: К ним присоединился герр Эмиль Ленеберг.

КАРЛСОН: Я его не сдувал. Есть свидетели.

ФРИДА: Все свидетели улетели в Голливуд. А передаче «Наедине с Карлсоном К.» грозят огромные судебные издержки.

АННА: Но традиция должна продолжиться.

КАРЛСОН: Малышку Традицию я жду со дня на день из Нивихлантии. Лично встречаю ее в аэропорту.

АННА: Фонд «Астрид Линдгрэн и дети Севера» заинтересован в том, чтобы передача продолжалась. Должна быть сделана хотя бы одна, последняя попытка.

НИЛЬС: Изначально мы планировали достучаться до детей Севера через крайний северо-запад.

ФРИДА: В Исландии очень тяжелые погодные условия. Нужно дополнительное финансирование и страховка. У передачи «Наедине с Карлсоном К.» нет...

АННА: Фонд «Астрид Линдгрэн и дети Севера» компенсирует все расходы.

КАРЛСОН: Но я не хочу в Исландию.

АННА: Герр Карлсон...

КАРЛСОН: Мне надо очень долго подумать.

ФРИДА: Долго не получится. Послезавтра весь скандинавский эфир будет поглощен «Сказками Мадса Миккельсена».

НИЛЬС: Герр Карлсон, на раздумья у вас одна ночь.

АННА: Герр Карлсон, и не забудьте, что через неделю вы выступаете с речью в фонде «Астрид Линдгрэн и дети Севера».

КАРЛСОН: Паровая машина, паровая машина, паровая машина....

Сцена 9. Ночь. Небо над Скандинавией.

В небе над Стокгольмом слышится звук мотора. Кто-то или что-то летит к северу через северо-запад. МАЛЫШ СВАНТЕ со скрипкой в руке появляется в окне своей комнаты и смотрит в небо. В небе над Осло слышен звук мотора. Кто-то или что-то летит к северу через северо-запад. МАЛЫШ ЛАРРИ с джойстиком в руке появляется в окне своей комнаты и смотрит в небо. В небе над Норвежским море слышится звук мотора. Кто-то или что-то все летит и летит к северу через северо-запад...

Сцена 10. Ночь. Спальный район Вестурбайр, Рейкьявик.

На подоконнике комнаты СТУРРЕ СТУРРУСОНА в небольшом трехэтажном доме сидит КАРЛСОН. Комната освещена слабым светом ночной лампы-глобуса. Она почти вся наполнена фигурками оригами. КАРЛСОН задумчиво смотрит на спящего МАЛЫША СТУРРЕ. У его кровати на тумбочке лежат книжки. МАЛЫШ СТУРРЕ просыпается.

МАЛЫШ СТУРРЕ: Ты Оле Лукойе?

КАРЛСОН вздыхает.

МАЛЫШ СТУРРЕ: Почему ты вздыхаешь?

КАРЛСОН: Потому что я не Оле Лукойе.

МАЛЫШ СТУРРЕ. Здорово, что ты не Оле Лукойе.

КАРЛСОН: Думаешь?

МАЛЫШ СТУРРЕ: Думаю, что думаю.

КАРЛСОН тоже думает.

МАЛЫШ СТУРРЕ: А почему ты такой грустный?

КАРЛСОН вздыхает.

МАЛЫШ СТУРРЕ: Ты ждал кого-то, кто так и не пришел?

КАРЛСОН: А как ты догадался?

МАЛЫШ СТУРРЕ: Вчера я был очень похож на тебя.

КАРЛСОН: А что было вчера?

МАЛЫШ СТУРРЕ: Как обычно, ничего. И еще мне исполнилось семь лет.

КАРЛСОН: Был торт, печенья, бутерброды, шоколад и все как полагается?

МАЛЫШ СТУРРЕ: Были книжки – вон, посмотри.

КАРЛСОН: Сказки?

МАЛЫШ СТУРРЕ: Ага.

КАРЛСОН: И ты уже поселил их у себя в голове?

МАЛЫШ СТУРРЕ: Нет, пока только одну. Про Оле Лукойе.

КАРЛСОН: Знаю такого.

МАЛЫШ СТУРРЕ: Тогда почему ты грустный?

КАРЛСОН: Так и не встретил малышку Традицию.

МАЛЫШ СТУРРЕ: А где она?

КАРЛСОН: Не знаю. Сначала я ждал ее в Стокгольме, потом я ждал ее в Осло. Думал, что она потерялась над Норвежским Морем, но и там – никого.

МАЛЫШ СТУРРЕ: А теперь ты ждешь ее здесь?

КАРЛСОН: Не знаю.

МАЛЫШ СТУРРЕ: Но сюда никогда никто не приходит.

КАРЛСОН: Почему?

МАЛЫШ СТУРРЕ: Каждый день, когда сюда никто не приходил, я делал по одной фигурке оригами. Видишь, вон там?

КАРЛСОН: Зря.

МАЛЫШ СТУРРЕ: Что зря?

КАРЛСОН: Перевел столько бумаги. Все, кого ты ждешь, просто еще в пути.

МАЛЫШ СТУРРЕ: Как это?

КАРЛСОН: Летят себе и летят. Думаешь, к северу через северо-запад долететь очень просто?

МАЛЫШ СТУРРЕ: Думаю, что нет.

КАРЛСОН: Я вот летел триста тридцать три ночи и триста тридцать три дня.

МАЛЫШ СТУРРЕ: А остальные?

КАРЛСОН: Некоторых снесло ветром. Других смыло дождем. У третьих случилась самая скучная в мире депрессия.

МАЛЫШ СТУРРЕ: Тогда завтра наверняка придется делать еще одну фигурку оригами.

КАРЛСОН: Кто-то обязательно прилетит.

МАЛЫШ СТУРРЕ: Думаешь?

КАРЛСОН: Не спеши делать своих оригамов. А то их станет так много, что придется посадить их на спину летающей корове Антервью с билетом до Нортумгренландии.

МАЛЫШ СТУРРЕ: Я бы хотел полететь с ними.

КАРЛСОН: Нортумгренландия очень далеко.

МАЛЫШ СТУРРЕ: Ничего.

КАРЛСОН: А представь, что кто-то там, в Нортумгренландии, сидит себе у берега моря. Каждый день, когда никто не прилетает, он кидает по камню. Так, что скоро из-за камней воды совсем не будет видно.

МАЛЫШ СТУРРЕ: Почему?

КАРЛСОН: Почему он такой глупый и не знает, что к тебе со дня на день прилетит летающая корова Антырвью? Почему он не догадывается, что она впридачу ко всем тунтаклям и дронтозаврам взгромоздит тебя и твои две тысячи оригамов на спину, чтобы долго-предолго лететь в Нортумгренландию? Почему он каждый день твердит: «Ко мне никто никогда не прилетит»?

МАЛЫШ СТУРРЕ: А я ведь могу прилететь к нему с минуты на минуту.

КАРЛСОН: Ты все же поумнел на одну миллионную плюшки!

КАРЛСОН смотрит на небо над Скандинавией. КАРЛСОН встает и нажимает кнопку на животе. Мотор начинает разогреваться.

МАЛЫШ СТУРРЕ: Мне хочется спросить у тебя одну глупую вещь.

КАРЛСОН: Про всякие там полеты и прилеты?

МАЛЫШ СТУРРЕ: Ага.

КАРЛСОН: Могу сказать тебе только одно. Все будет зависеть от погоды. И настроения. И времени суток. И еще многих-многих вещей.

МАЛЫШ СТУРРЕ: Ясно.

КАРЛСОН: Но если ты за это время сделаешь своего оригама, тогда считай, что я ничего тебе не обещал.

КАРЛСОН взлетает в небо над Рейкьявиком.

КАРЛСОН: Привет, Малыш!

МАЛЫШ СТУРРЕ: Привет...

Слова МАЛЫША СТУРРЕ заглушаются сильным гулом мотора КАРЛСОНА. Это очень старый, верный, очень громкий, много пропутешествовавший мотор, только вчера доставленный компанией «SAS» по адресу его владельца.

Сцена 11. Ночь. Небо над Скандинавией.

В небе над Норвежским морем слышится звук мотора. Кто-то или что-то летит с северо-запада. В небе над Осло слышен звук мотора. Кто-то или что-то летит с северо-запада. МАЛЫШ ЛАРРИ с джойстиком в руке появляется в окне своей комнаты и смотрит в небо. В небе над Стокгольмом слышится звук мотора. Кто-то или что-то возвращается с северо-запада. МАЛЫШ СВАНТЕ со скрипкой в руке появляется в окне своей комнаты и смотрит в небо.

Сцена 12. Штаб-квартира литературного фонда «Астрид Линдгрэн и дети Севера». Стокгольм.

Все собравшиеся внимательно слушают речь КАРЛСОНА.

КАРЛСОН: ... Нет, нет и еще раз нет! Дело не в нехватке природных ресурсов. Вода, леденцы и золотые монеты были еще при Эрике Рыжем. И будут тогда, когда все мы телетортируемся в Нихилунтию. Вы спросите меня, в чем же дело! Вы еще раз спросите меня, в чем же дело! И вы в третий раз спросите меня, в чем же дело. И я вам скажу. Я много путешествовал. Пролетел все небо над Скандинавией. Но что я увидел? Где он, хоть один ребенок Скандинавии? Я пролетел все небо от корки до корки, но не встретил там ни одного самого противного и вредного. Я встретил одного дедушку с самой скучной в мире депрессией, одного хуткраба с черной баранкой и одну говорящую голову, изо всех сил лезущую в телевизор. Я надеялся, что за камерами будут летать миллионы тысяч детей, не заплативших мне по мешку леденцов за патент. Но их не было нигде. Особенно в Исландии. Никогда не летайте в Исландию. Особенно с телевизорами. Там некому из них выглядывать. Там никто не мечтает в них попасть. Там вообще давно никто не живет. Там все время идет снег, пыхтят вулканы, плавают разные ледники, ну и иногда пролетают летающие коровы. И среди этого бронтозавро-зоопарка нет ни одного завалящегося

ребенка. Как они там живут? Там даже никто не знает, из чего сделан их бутерброд, а без этого, как вы понимаете, сейчас просто никуда...

Собравшиеся начинают шумно обсуждать между собой только что сказанное Карлсоном. Не все согласны. Некоторые спорят. Лес рук. Слова Карлсона заглушаются.

Сцена 13. Ночь. Небо над Скандинавией.

В небе над Стокгольмом слышится звук мотора. Кто-то или что-то летит к северу через северо-запад. МАЛЫШ СВАНТЕ со скрипкой в руке появляется в окне своей комнаты и смотрит в небо. В небе над Осло слышен звук мотора. Кто-то или что-то летит к северу через северо-запад. МАЛЫШ ЛАРРИ с джойстиком в руке появляется в окне своей комнаты и смотрит в небо. В небе над Норвежским морем слышится звук мотора. Кто-то или что-то все летит и летит к северу через северо-запад... Где-то на северо-западе скоро появится очень скромный, почти незаметный домик на крыше.